

Василий Аксенов

PhD, QE2 and H2O

*Часть сборника
Негатив положительного героя
(сборник)*

Негатив положительного героя

Василий Аксенов
PhD, QE2 and H2O

«ЭКСМО»

Аксенов В. П.

PhD, QE2 and H2O / В. П. Аксенов — «Эксмо», — (Негатив
положительного героя)

ISBN 978-5-457-11311-4

«Святослав Николаевич Корбут даже и в эмиграции остается убежденным западником. До того западником, что его и в Америке принимают за иностранца. Но какого точно иностранца, никто сказать не может. Явно не француз, не итальянец и, уж конечно, не русский. Англичанин, что ли, какой-нибудь из снобов? Последнее предположение развеивается, как только Святослав Николаевич произносит пару слов: акцент не тот. Отгадка же довольно проста...»

ISBN 978-5-457-11311-4

© Аксенов В. П.

© Эксмо

Василий Аксенов PhD, QE₂ and H₂O

Святослав Николаевич Корбут даже и в эмиграции остается убежденным западником. До того западником, что его и в Америке принимают за иностранца. Но какого точно иностранца, никто сказать не может. Явно не француз, не итальянец и, уж конечно, не русский. Англичанин, что ли, какой-нибудь из снобов? Последнее предположение развеивается, как только Святослав Николаевич произносит пару слов: акцент не тот. Отгадка же довольно проста. Будучи в течение полувека в Светском Связе (это по-польски) убежденным западником, наш герой выпестовал в себе идеальный, с его точки зрения, образ «атлантического джентльмена», и этот образ теперь он старается не уронить в эмиграции. Итак, договорились: перед нами «атлантический джентльмен».

Десятилетиями среди советских удушений жила у С.Н. Корбута под большущим шарфом, под вельветовым пиджаком и плетеным галстуком, под мягкой шляпой, наконец, мечта пересечь когда-нибудь Атлантику на пассажирском лайнере. Однако пока мечтал, осталась на трансатлантической линии одна только «Королева Елизавета Вторая», да и та совершала теперь эти рейсы скорее в роли плавающего курорта, чем транспортного средства.

И вдруг как-то раз, в начале 90-х годов, то есть уже в пожилые времена своей жизни, Святослав Николаевич получил весьма серьезное приглашение. В тот день он в своей лаборатории молекулярной генетики мудрил, по обыкновению, с бусинками ДНК и одновременно прослушивал по радио «Шестую Патетическую», то есть мирно изливался печалью по поводу судьбы человеческой, как вдруг в перерыве между частями симфонии услышал приглашение на «Куин Элизабет Ту». «Позвоните нам, и вы будете приятно удивлены нашими ценами», – задумчиво сказала пароходная компания «Кунард».

Движимый динамикой этого момента, Святослав Николаевич тут же позвонил. Цены его не просто удивили, но изумили. Путешествие на верхнем деке с питанием в изысканном ресторане и с возвращением в Нью-Йорк на сверхзвуковом «Конкорде» стоило 26500 долларов с физиономии, то есть больше половины годового жалованья профессора Корбута. Путешествие же в утробе «Элизабет» с питанием в хорошем ресторане и с возвращением на обычном самолете стоило 1700, то есть на 24800 долларов меньше. Впечатляющая разница, подумал он и заказал билет.

Шестого июня текущего года, то есть за семь лет до конца второго тысячелетия христианской эры, он погрузился на флагман британского флота. Был сильный ветер, то есть... Злоупотребляя этими «то есть», то есть как бы пытаюсь перемешать авторскую речь с джентльменской манерой Святослава Николаевича, мы рискуем скатиться до некоторого литературного вздора, и все-таки мы заканчиваем фразу именно в этом ключе: пусть вздор, но только не потеря стиля! Итак, был сильный ветер, то есть он сорвал с него шляпу.

Святослав Николаевич, выпивший перед посадкой два фужера шампанского, пошутил себе под нос: «Погружаясь на пароход, с него слетела шляпа». Сучья дочь улетела на Манхэттен. Провожавший его друг, математик Усиевич, стоя на пирсе, разевал рот в чем-то утешительном: «Купишь другуу-уу-ую!» Уже в движении, проходя вниз по Гудзону, мимо стеклянной стены Нью-Йорка, Святослав Николаевич увидел, как его шляпа в потоках ветра трепещет, словно вольная птица или, может быть, как летучая мышь. Пусть летит, не останавливать же корабль. Неизвестно почему он становился все пьянее, хотя шампанское должно было давно испариться. Вот таким мне и запомнится Нью-Йорк, думал он. Стеклянные стены, отражающие блеклое солнце, несущаяся демоника туч, черно-белый лайнер с гигантской турецкой феской красной трубы. Так он думал, будто прощался навеки.

Пока он ищет свою каюту, давайте познакомимся поближе. При весьма неопределенной фамилии Святослав Николаевич считался русским. После мучительного развода тому уже лет пятнадцать назад в городе на Неве остался совсем одинок. Одна из его племянниц была чемпионкой мира по спортивной гимнастике. Один из его братьев, столь же знаменитый, сколь и беспутный театральный режиссер, тоже был в эмиграции, в Америке, однако в отдаленной и чуждой ее части, то есть в Калифорнии. В среднеатлантических штатах, где, скитаясь по университетам, Святослав Николаевич основательно обжился, жизнь казалась ему понятной, академической, зимой – твидовой, летом – полотняной, спокойно убывающей в соответствии с расписанием курсов и исследовательских работ. В Калифорнии же, куда он пару раз наведывался вытаскивать брата из очередного алкогольного кризиса, пахло незнакомыми цветами, мужчины его возраста ездили в открытых автомобилях, царило нечто, как ни странно, напоминающее уродливую Россию, некое ощущение неутоленной страсти. Курьезная мысль иногда посещала его в тех краях: а действуют ли там те же самые законы молекулярной генетики, что и в других частях мира?

Об одиноких людях много не расскажешь, пока и этого хватит, если добавить, что наш герой теперь имел постоянную позицию в Университете Пинкертон, жил в трехкомнатной квартире неподалеку от кампуса, водил «Сааб», писал стихи и акварели, имел несколько смешноватый вид «атлантического джентльмена», мечтал когда-нибудь вырастить щенка-корги по имени Джордж Байрон и познакомить его со своей оставшейся в России уже не очень молодой дочерью, у которой не было детей. Ну что еще, ах да: легкоцветная его шевелюра от семестра к семестру становилась прозрачнее, а пигментация кожи несколько сгущалась. Пока достаточно.

На седьмой палубе в трюме он получил ключи. Стюард-филиппинец по имени Раффи внес в каюту его портплед из тех, с которыми, вообще-то говоря, путешествуют несколькими палубами выше. Хороший дорожный уют царил даже и в этом, самом дешевом кубике «Элизабет». Он был все-таки не меньше железнодорожного купе и даже имел туалетный подкубик с душевым подподкубиком. Окно отсутствовало, но зато присутствовал телевизор, который не только снабжал всем необходимым из мировой электроники, но и, быв ткнут в третью клавишу, неизменно являл нос корабля и простирающийся перед ним в данный конкретный момент Атлантический океан. Забегая вперед, осмелимся сообщить, что на протяжении всех пяти дней плавания водная поверхность представляла из себя то, что англичане называют choppy sea, то есть бугры с белыми гребешками.

Всякий, кто жил в англофонных странах, знает, что не только корабли с женскими именами, но и все другие принадлежат к женскому роду. Назови ты пароход хоть «Маршалом Буденным», все равно для англичанина он будет she, то есть «она». Бог весть, отчего так получается, ведь не от сходства же с рыбой, ведь это по-русски рыба – дама, а по-английски – ни то ни сё. Так или иначе, наша красавица имела 70 000 тонн водоизмещения и в длину тянулась вроде на три футбольных поля, во всяком случае, джоггер, обегая три раза ее главную палубу, то есть без забега на нос и корму, делал милю. При полной загрузке на ней помещалось две тысячи пассажиров. Добавьте к этому две тысячи экипажа и персонала, и вы получите плавающий город, в котором далеко не каждый день люди встречаются друг с другом, даже если и хотят увидиться как бы ненароком. В этом убедился профессор Корбут, пытаясь столкнуться с одной особой и воскликнуть в хорошей атлантической манере: «Lo and behold!»

Чтобы не впадать и далее в стиль туристических буклетов, отметим лишь одну любопытную особенность «Второй Елизаветы». По вечерам в ее салонах, варьете, танцзалах и пианобарах начинали играть два биг-бэнда, пять составов-комбо и не менее полудюжины пианистов соло, и все это музыкальное подразделение исполняло мотивы и ритмы тех эпох двадцатого века, когда пересечение Атлантики по воде было неотъемлемой частью цивили-

лизации; плавающая ностальгия, да и только! Слушая все эти джиттербаги и рок-н-роллы, песенки Пегги Ли и Фрэнка Синатры, Святослав Николаевич начинал подергивать своим еще довольно спортивным задком и пощелкивать узорчатыми штиблетами, дотертыми до цвета глубокого португальского «порто». Суинг все-таки победил и «Хорста Весселя» и «Интернационалку», думал он.

Перевалив уже на десятую страницу рукописи, мы все-таки еще не решили, кто же будет главным героем нашего повествования, доктор ли наук, или владычица морская, или, в конце концов, сам всеобъемлющий Океан. Доктор наш невелик, но даже и такая громадина, как «Елизавета», посреди волнений третьего персонажа кажется крошкой. Говоря о накатанности океанских путей, не следует все-таки забывать о масштабах пространства и о чудовищности водной массы. Пять дней гребешь лопастями, и никаких ни встречных, ни попутных не замечается, вообще ничего нет, кроме воды. Впечатлительному человеку, а Станислав Николаевич как раз принадлежал к этой породе, нетрудно вообразить, что в мире ничего уже не осталось, кроме среды воздушной и среды водной, по стыку которых идет сейчас пока что живой корабль, но вот исчерпает он все свои запасы, и тогда восстановится без помех игра двух стихий.

Погружаясь на «Кьюиту» – так, собственно говоря, произносилось название судна по обеим сторонам Атлантики, – Святослав Николаевич думать не думал о качке. Какая может быть качка на лучшем лайнере XX века, снабженном к тому же ультрасовременными турбинными стабилизаторами? Качка, однако, началась сразу же по выходе из Нью-Йоркского залива. Над Западной Атлантикой ветер размотался до сорока узлов и так держался двое суток. На борту, конечно, играли все оркестры, танцевали все гёрлс, в пряных парах колдовали все повара, писательница Клэр Рэйнер делилась с читателями тайнами мастерства, в казино крутились все рулетки, однако население передвигалось так, словно каждый хватил лишнюю порцию солодового виски.

Ночью турбины стабилизаторов гудели словно прямо под койкой Корбута, каюта скрипела, как бричка Чичикова на ухабах города N, а временами слышался какой-то еще необъяснимый звук, сопровождавший странное движение как бы вверх, но в то же время значительно вниз, и возникало ощущение, что «Елизавета» беспомощно хлопается днищем на толщу океана. В такие моменты Святославу Николаевичу хотелось срочно в чем-то рассказать. Как это глупо! Во-первых, раскаиваться вроде бы не в чем, а во-вторых, ну не может же утонуть самый большой и самый лучший лайнер конца XX века! И все-таки то и дело возникало какое-то странное, смутное ощущение, похожее на жалкую попытку замаслить неукротимость великого Океана. Повод для раскаяния, между прочим, кроется в самом факте существования, говорил он себе, в самой комбинации генных структур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.